

А.ИСТОМИН

«ПЕРВЫЙ ДОЗОР»

2020г.

12+

Накануне

Андрей Истомин

Первый дозор

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Истомин А.

Первый дозор / А. Истомин — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Накануне)

Первый дозор — зарисовка о службе в погранвойсках, за год до развала СССР, глазами новенького сержанта, прибывшего на заставу, граничащую с Афганистаном. Его первый дозор, первое нарушение, первая перестрелка.

Младший сержант Нахимов Сергей Васильевич, вот уже почти 19-ти лет отроду, тряся на скамейке в кузове “Шишиги”, она же ГАЗ-66. Сквозь тент ничего не было видно. Час назад высадили последних попутчиков на 12-й заставе. Остался он, один – единственный, кто ехал до 13-й. Уже ужасно уставший от тряски и пыли, но старающийся выглядеть “орлом”, как-никак только из учебки, новоиспечённый “малёк”, сейчас он прибудет на заставу, и ему надо, как говорили в учебке, сразу же “поставить себя”, иначе как командовать рядовыми? И правда, чёрт возьми, как?

Даже его одногодки, призванные с ним вместе весной этого года, уже в частях. Лично его “забрали” в мае. Почти шесть месяцев учёбы, и вот он едет отмечать “ноябрьские” на заставе. А его одногодки, рядовые даже, если попали в июне, после 4-х месяцев курса, уже как минимум месяц, а то и два – на заставе. Вот как их всех подчинить? Хотя, конечно, в “войсках” дедовщины нет. Но это не отменяет извечный закон жизни: “старый воин – мудрый воин”.

Для себя он определил, что, в первую очередь, покажет свои высокие навыки обращения с техникой. Ведь не зря же он полгода в “Бухте Перевозной” осваивал эти самые ПСНР? Переносные Станции Наземной Разведки “Кредо” и Фара” – этикие маленькие радары. Да он, между прочим, на зачёте засёк шагающую цель в поле за 12 км на “Кредо”. А морскую (плот со щитом фанерным) – вообще за 15 – предел возможности аппарата, между прочим! Увидев его умение, наверняка, подчинённые, как минимум, не отнесутся к нему, как к “птице тупорылой”.

В этот момент мысли Серёги сползли на другое. Вот почему весенний призыв – “птицы”, а осенний – “бобыры”? Почему, например, все вокруг принципиально говорят “Войска” в “Войсках”, ещё понятно. Не армия, а Пограничные Войска, да ещё и КГБ. Почему армию зовут “шурупами” – это ясно, у них пилотки, как головки шурупов. И много что ещё из словесных оборотов ему понятно, но вот почему, раз он “весенник” – он обязательно “птица”, а раз молодой, то ещё и “тупорылая” – он и сам не мог понять, и никто ему ответить не мог.

Эти лингвистические разборки прервались от весьма неаккуратного торможения “шишиги”, из-за чего Нахимов чуть не упал со скамейки. Короткий неразборчивый разговор водителя с кем-то, и машина куда-то явно въехала. Всё, прибыли. Здесь ему служить целых полтора года.

Голос снаружи вывел малька из оцепенения:

– Эй! Почти сержант! Ты там что – помер? Вылазь к людям!

– Не, он уснул, наверное, сильно гладкая дорога – укачало!

Дружный гогот в ответ не оставил сомнений. Встреча будет “тёплой”. Откинув полог и прихватив свой БК, он же вещмешок, и скатанный бушлат, “почти сержант” спрыгнул с кузова как можно бодрее. Под хоть идвигающимся к закату, но тёплым среднеазиатским солнцем, стояла группа пограничников, в основном рядовые, и один офицер – капитан. Поняв, что старше никого нет, подошёл почти строевым шагом к капитану и, насколько можно бодро после 4-х часов тряски в кузове, доложил:

– Товарищ капитан! Младший сержант Нахимов для прохождения дальнейшей службы прибыл!

– Вольно! – Капитан придирчиво смерил пополнение взглядом. Панама, только что выданная в отряде взамен кепки, ещё имела весьма волнистые края, и не прошитый кантик по верху и был ярким пятном на фоне слегка подлинявшего камуфляжа, хотя тот и оставался всё ещё более яркий, чем у него самого и остальных. Ничего, этот момент солнце выровняет. Сапоги почти по уставу. Не обрезанные, не выглаженные до состояния лаковых, но явно с подрезанной закраиной подошвы. С одного взгляда он оценил, что боец перед ним хоть и соблюдающий устав, но и не чурящийся неписаных правил этикета.

Пошарив вокруг взглядом, капитан задержал

взгляд на сидящем в тени карагача сержанте:

– Усталов! Ко мне!

Быстро соскочив и оправившись, названный сержант широким и твёрдым шагом подошёл к капитану. Но доклада, как привык в учебке Нахимов, не последовало. Он просто молча встал перед капитаном.

– Проводи пополнение к замбою. Пусть он его и определяет. Бумаги заполню позже.

Усталов, повернувшись к новенькому, с полувздохом обречённости, сказал: “Шлёпай, малёк за мной”, – и пошёл в сторону одноэтажного строения. Заведя в покрытое белой известковой здание, внутри которого было прохладнее, повернул налево и, пройдя мимо оружейки, Усталов толкнул дверь со следами оборванной таблички.

– Разрешите? – сказал он, практически одновременно входя в дверь.

– Товарищ старший лейтенант! Привёл к вам пополнение, – обернувшись к “пополнению”: – Входи, чего стоишь?

Шагнув вместе с ним в комнату, Нахимов поднял было руку к голове, чтобы доложить, но сидящий за столом старлей, явно слишком молодой для таких погон, махнул ему рукой – “не надо”. Поглядев на вошедших, сказал:

– Усталов – свободен, Нахимов, садись, – и указал рукой на стул перед столом.

Пожалуй, не стоит утомлять читателя подробностями бюрократии на заставе. Поэтому сообщим лишь, что заняло всё чуть больше часа. Плюс часок ушёл на “экскурсию”, которую новичку, по заданию старлея, или как правильно, старшего лейтенанта Крепилова, проводил, явно обрадованный поводом покинуть “службу”, дневальный.

– Здорово! Меня Миша зовут, – сказав это, он чуть ли не под локоть, как даму, поволок сержанта из казармы. – Ну, и “штаб”, и “казарму” – всё в одном – ты видел. Вон тот дом – типа гражданский, за кустами граната, и есть гражданский – это наш ДОС (Дом офицерского состава), так что без особой нужды там не шарься.

Сергей высвободил ненавязчиво руку, пошёл рядом, поспевая за торопыгой Мишкой. Тот, ничтоже сумняшеся, продолжал экскурсию:

Вот тут у нас – спортплощадка, тут – гараж, в арсенале – “бобик” и “шишига”. Все наши водилы – срочники. “Сверчков” у нас вообще мало. Один старшина. У всех старшины – прапорщики, только у нас старшина – это старшина сверхсрочной службы. Прямо смешно.

Столовая, ленинская комната, как и комната отдыха у нас отдельным строением – вот тут. Но, учитывая климат, – говоря это, он завернул за саманное здание, крытое шифером, и показал в тени карагачей ряды старых школьных парт, – здесь у нас летний класс, выполняющий функции всего перечисленного – даже поесть, если хочешь, можно тут.

В этот момент Сергей не выдержал и задал вопрос, который его стал мучить сразу после знакомства с местом. Он в учебке слышал много про жизнь на заставах, но, в основном, от сержантов, которые сами всю службу провели в учебке. И в этих рассказах заставы делили на две категории.

– Скажи, у вас застава уставная?

– Блин, ну и вопросы у вас у всех с учебки, – заулыбавшись всем ртом, ответил Миша. – Если, вообще, хочешь знать, я – твой дед, коли на то пошло. Но у погранцов западло дедовщина. Мы войска КГБ, а не какие-то шурупы. Так что между собой мы все равны. Ну, или почти равны. Вот завтра пошлют в наряд – ты мой старшак будешь, а я – просто рядовой. Ну, вот на эти сутки “ты – начальник, я – дурак”. Возвращаемся, оружие сдаём, и я для тебя сразу – просто Миша. Так тебе понятно? Наслушаются баек по ТВ, потом, блин, фигнёй страдают. Мне вот лично эта гласность с перестройкой по боку – меньше бы болтали – мозги бы свободней были. Ваши вон первые птицы прилетели, так сутки строем ходили, боялись, что деды

разбираться с ними будут. Вот умора была. Мы их специально не просвещали, что – к чему, чтобы поржать.

– А с офицерами как? – не унимался Нахимов.

– Ну, тут всё просто. Есть две крайности:

“Старый” – это наш капитан Запольный – то ли по должности, то ли просто старой закалки человек, то ли после Афгана слегка контуженный. Вот с ним строго обращайся, как положено, и тому подобное. Но, главное, он не терпит бардака и разгильдяйства, любит говорить: “От беспорядка гибнет больше, чем от пуль”. Если что сказал, делай сразу. И без разговоров. А, вообще, он хоть и строгий, но не придирчивый. Я успел на седьмой заставе три месяца послужить, – вот где начальник говно. Майор Чердынцев. Блин, все пуговики, все крючочки проверит. Придирается по каждой мелочи. А в службе – полный “ноль”. Его из комендатуры в Душанбе за что-то сослали лет пять назад, да и забыли назад позвать.

– А вторая крайность? – пришлось напомнить словоохотливому проводнику, о чём разговор.

– Ну, вторая крайность – это наш замбой Крепилов. Он, между прочим, из училища всего два года назад пришёл. И уже старлей. А знаешь почему?

– В прошлом году он на прорыв с группой выехал и до того, как отрядские развернулись, повязали они группу нарушителей. Аж пять человек. И у каждого опия сырца по 10 килограмм, представляешь? Старый, кстати, говорит, что эта гадость к нам пошла после того, как Меченый вывел войска из Афганистана. Он вообще его не переносит. Иначе как Горбач и Меченый не зовёт. И ты при нем, кстати, лучше перестройку не хвали. Не оценит.

– Да понял я. А что с бандой-то?

– Дак, какая банда, они ж без оружия были. Двое вообще местные. Один – внук деда Абдуло. Есть тут один дедок из кишлака. Ну, так вот по факту, значит: нашему замбою – очередное звание, Усталову – сержанта и первого погранца (знак отличника погранвойск первой степени), остальным – по второму погранцу.

– погоди, нам говорили за задержание нарушителя отпуск дают.

– Ну, ты даёшь – а кто служить – то будет? Говорят тебе, как Михал Сергеич из Афгана сбежал, у нас тут началась сказка «тыща и одно нарушение». А последнее время так совсем оборзели, месяц назад с оружием двоих взяли. Оба с той стороны. И ведь не раскололись, к кому шли. Может, потом в отряде что сказали, но никого не арестовали в кишлаке, вот и думаю – вряд ли.

– Так что на отпуск не рассчитывай. А вот лычки к дембелю точно прибавятся, и можешь погранца запросто схлопотать. Лишь бы не “За отвагу”.

– А чем тебе “За отвагу” не нравится?

– Так, понимаешь. У нас тут странная традиция: если тебя на границе ранят, или там травму на обстановке получишь, то тебе обязательно медаль “За отвагу” вручат. За мою службу уже двоим на весь отряд дали. С четвёртой и с одиннадцатой заставы. Знаешь, я лучше без медали домой приду. На двадцать восьмое пройтись по городу – мне и имеющегося хватит.

При этих словах Сергей невольно ещё раз глянул на грудь провожатого. Но кроме “классности” и “комсомольского” значка ничего не увидел. Да и класс – то был второй. Проследив за взглядом, Михаил тут же объяснил:

– Это на мне официальные, так сказать. А ещё у меня есть “Слава погранвойск”, “Юбилейный знак” нашего отряда, и на дембель припас “Второго погранца”.

– Откуда он у тебя? Купил!?

– Есть пути, – хитро подмигнув, ответил экскурсовод, – есть тут один, Ванька – хохол, у него кореш в комендатуре. В общем, если надо, справишь к дембелю себе иконостас. Если хочешь, можно любого “погранца” добыть. Ты только, если будешь связываться, здесь никому

не показывай. У нас не любят дутых “отличников”. Дома никому не важно, откуда он у тебя. А здесь и без офицеров по морде получишь.

И вообще, хватит на сегодня. Я так понимаю, ужин ты пропустил, я тоже не был, а мы как раз у столовой. Пошли, пожрём.

У приученного за полгода к распорядку на учебке Сергея, видимо, недоумение было на лице так ярко написано, что Михаил добавил:

– Блин, деревня. Это же застава. Тут завтрак, обед и ужин имеют, конечно, сроки, но кто в наряде, кто к наряду готовится. Так что точно по расписанию ест только свободная смена и штабные. Все остальные, когда получится. Пошли уже.

С этими словами они вошли в раскрытую дверь, завешенную марлей. Помещение столовой было на удивление мрачноватым, наверное, из-за маленьких окон. Хотя летом, в жару, это, скорее, плюс. Подойдя к окну раздачи, Михаил крикнул:

– Юрка, блин! Давай ужин! Мне, и одну “молодую пайку”!

Услышав про “молодую пайку” Сергей чуть не хмыкнул вслух: “А говорил нет неуставных”

Первым получил свою порцию Михаил. Это была миска из нержавеющей стали, полная ароматного борща. И в нём даже белела ложка сметаны.

– А десерт? Я видел – арбузы привозили!

Из-за окна раздался недовольный голос:

– Порезанных нет. Схаваете на двоих один – выдам вам целый.

Мишка, почесав затылок:

– Без проблем. Сначала суп. Лично я – на улицу, – сказав это, он сгрёб миску, ломать хлеба с ложкой и потопал на выход.

У Нахимова откровенно заурчало в животе от ароматов, вида борща – такого домашнего. И это всё после явно не ресторанной пищи в учебке. В этот момент стукнула его миска на раздачу... Младший сержант, пожалуй, не удивился, что у него миска была алюминиевая... Его сразило, что было в ней. Там дымился огромный кусок варёного мяса из борща, вся жидкость, по всей видимости, была та, которая с этого мяса стекла. Пара маленьких кусочков капусты, прилипших к нему, были единственными овощами.

– Это что? Суп?

– Суп?! Не-а, суп вам, товарищ малёк, рано. Ешьте пока еду для салажат – поправляйте своё здоровье после учебной части! – с явной насмешкой прозвучало из-за раздачи. – И вообще, бери что дают! Вечно с салажатами проблемы – супа им подавай! – после чего задвижка на окне раздачи с грохотом упала и отсекала Нахимова от кухни.

Взяв неуверенно тарелку и зачем-то ложку, пару кусков хлеба из лотка, Сергей вышел на улицу. Подсел рядом с Михаилом. Тот, взглянув на него, подмигнул: “Вот тебе дедовщина”.

Михаил довольно быстро расправился со своим супом, потянулся и свистнул так, что Сергея по ушам резануло.

– Юрка! Где арбуз?

Сергей тоже успел съесть свой кусок мяса до того, как появился Юрка. Ощущение не просто сытости, а какого-то всемирного удовлетворения уже успело растечься по телу, когда, наконец, появился повар.

Нахимов впервые смог увидеть его целиком, а не только руки и фартук. Это оказался высокий, явно спортивного вида, парень, одетый в “подменку” цвета хаки, а не камуфляж, в тапочках на босу ногу. Колпак на голове скорее напоминал казачью фуражку, лихо заломленную набок, только что чуба из-под козырька не было. В руках он держал арбуз килограмм на 6, не меньше. Грохнув его на стол, он заявил:

– Десерт подан, ваше првсходво! Жрите, пожалуйста! Если не влезет, отдай Машке, у неё сегодня арбузный день. Вы у меня последние.

– Замётано! А нож?

– Ты ж дневальный? У тебя штык есть.

– Он же ломает, не режет!

– Пора бы свой иметь, вообще – то. Это вон мальку простительно без ножа, а тебе, старому, стыдно.

– Да, блин, Юрка, у меня, во-первых, складешок, а во-вторых, не с собой.

– Вот что бы ты без меня делал? – с этими словами повар вытащил из-за спины огромный, сантиметров 40 в длину, хлеборез и воткнул его в арбуз, – держи! Вернёшь, – сказав это, он забрал миски со стола, наиграно ворча: – Приходят тут всякие, намусорют и уходят, – и добавил более ровно: – Тарелки заберу, а нож вернёте, и корки все Машке потом, чтоб тут чисто было! А то этот нож сам знаешь, где будет. И удалился с видом полного превосходства над вселенной.

Сергей уставился на арбуз. И, к собственному удивлению, первое, что сказал: “А Машка – это кто?” Михаил, выдернув нож из арбуза, тихо и задумчиво произнёс: “Коза”. И начал резать арбуз... На гражданке Нахимов, конечно, ел арбузы и резал их не раз на большие радиальные ломти. Но как резал Михаил, его озадачило. Он уверенными движениями разделил арбуз на 4 продольные части. Потом порезал поперёк мякоть на треугольники, не прорезая корки. И, в довершение всего, отделил мякоть от коры. Удовлетворённо заявил: “Готово”, – и подвинул четверть арбуза Сергею, взявшись резать себе вторую четверть. За поеданием арбуза молчали.

После ужина Сергей оказался предоставлен самому себе. Отнёс корки арбуза на подхоз – местной козе Машке и, по совету Михаила, пошёл в душ, чтобы успеть к “приказу”.

Если читатель не знаком со спецификой погранслужбы, необходимо уточнить, о чём речь. На границе сутки разбиты на “от приказа” и “до приказа”. “Приказ” – это построение, на котором распределяются наряды, поскольку это всё оформляется как “Приказ заступить на охрану государственной границы СССР, форма наряда...” Вот поэтому между собой пограничники и называют время этого мероприятия “Приказ”. И время это неизменно двадцать часов ноль-ноль минут. Поэтому и сутки зачастую считают не от нуля часов, а от двадцати.

Помылся наш герой в летнем душе, вода в котором оказалась явно горячее, чем в учебке, из водопровода в бане.

Без десяти восемь. Нахимов уже слонялся возле флагштока. Он был немало удивлён, что почти все на приказ собрались, как из ниоткуда, за две минуты до восьми. Последние бежали на бегу, приводя себя в порядок. Ровно без минуты восемь все уже самостоятельно встали в строй. Определив своё место, туда же встал и Нахимов. Ровно в восемь появился начальник заставы. Прозвучала команда дежурного:

– Застава! Равняйся! Смирно!

Собственно, процедура приказа, конечно, Сергею была знакома назубок. И он слушал всё в полуха. И чуть не прозевал, когда заговорили о нём.

– Сержант Усталов и младший сержант Нахимов – вид наряда “Дозор”. Старший – Усталов. Маршрут: правый стык, левый стык, застава. Время выхода: шесть ноль-ноль. На охрану государственной границы – заступить! – и Сергей едва успел, одновременно с Усталовым, ответить:

– Есть!

Остаток времени он уже вообще выпал из жизни. В голове носилось: “Как так? Почему “Дозор”, а не секрет с ПСНР, или ещё что по профилю? И, вообще, про ПСНР ни слова не было. Ладно, хоть не поставили под начало рядового”. Из раздумий его вынул голос Усталова:

– Такс, малёк. Из-за тебя мне завтра весь участок топтать.

– А я-то тут причём? – успел возразить Нахимов.

– Слушай меня внимательно и не перебивай. При том, что тебя явно выгнали на ознакомительную прогулку. А мне с тобой таскаться. Итак, первое – рация. Твоя прогулка – ты и тащишь. Рацию выбери у связиста сейчас. “Айву” не бери. Если б только правый фланг, её б хватило. На левом слишком плохо работать будет. Так что “Эр – 392” – твоя судьба. И возьми доп батарею. Чтобы весь день мы были на связи в любом случае!

И спать. Немедленно, не жди отбоя, как приучили в учебке. Мне ты завтра нужен бодрый и красивый.

Второе – надеюсь, намотку портянок ты освоил достаточно, чтобы не сбить ноги? Завтра у нас марш больше двух десятков километров. Только правый фланг восемь кэ мэ.

Третье – в шесть утра мы должны выйти из ворот, а не встать. Ты уже в наряде. Так что скажешь дежурному, чтобы поднял тебя в четыре. Потом быстро в столовку – завтрак, получить сухпай, таким, как мы, счастливицам, старшина с вечера в столовой оставляет их долю. Потом вооружиться, собраться, и в пять пятьдесят я тебя вижу тут, где стоим.

И ещё, прям щас. Пока старшина никуда не делся, получи у него для себя две фляжки под воду. Тут быть без воды. Я сам тебе наведу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.